

Из истории журнала

© 2014 г.

В.В. КОСТЕНКО, Г.А. ЯКОВЛЕВ

СОСТАВ АВТОРОВ ЖУРНАЛА “СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ”, 1975–1982 гг.

КОСТЕНКО Вероника Викторовна – младший научный сотрудник лаборатории сравнительных социальных исследований НИУ ВШЭ (С.-Петербург), ЯКОВЛЕВ Геннадий Андреевич – стажер-исследователь той же лаборатории.

Аннотация. Исследование выполнялось с помощью сетевого и регрессионного анализа, биографических интервью, многомерного шкалирования, наукометрии и др. Предложен метод латентных классов для анализа изменения академического статуса и измерений престижа авторов журнала. Используя характеристики пола, ученой степени, позиции в АН или вузе и аффилиации, мы проверили, действительно ли социология превращалась в более профессиональную сферу, которую покидают номенклатурные и случайные люди. Работа ставит целью заполнить лауну в литературе о развитии советской социологии в этот период.

Ключевые слова: советская социология • история • наукометрия • метод латентных классов • статус научный

Вступление. Журнал «Социологические исследования» (далее «Социс») издается с 1974 г., когда вышли первые 2 номера. В исследование включен период с 1975 по 1982 г. Вторая дата связана с окончанием периода правления Л. Брежнева, когда наступил новый цикл развития советского общества. Журнал был единственным до середины 1980-х гг. периодическим изданием по социологии. Издание цензурировалось, что не могло не влиять на содержание работ и состав авторов. В каждом номере журнала (начиная с № 4 за 1974 г.) содержится указатель «Наши авторы» – пол, научная степень, город, в котором автор работал, аффилиация в Академии наук, в вузе.

Выбранный период – это этап развития социологической науки в Советском Союзе, сопровождавшийся институциональными трудностями. С одной стороны, уже был «разогнан» Институт конкретных социальных исследований (ИКСИ), где работали многие советские социологи¹, с другой, еще не началось преподавание социологии в

Авторы искренне благодарны Б.М. Фирсову и М.М. Соколову. Без них этот анализ не был бы начат, и, безусловно, не был бы завершен. Авторы также признательны Б. Соколову и К. Жиркову за комментарии. Исследование выполнено в НИУ Высшая школа экономики по гранту № 11. G34.31.0024 от 28 ноября 2010.

¹ «Разгон» – слово, часто употребляемое по отношению к атаке на ИКСИ, начавшейся осенью 1969 г. с критики книги Ю. Левады «Лекции по социологии». В.А. Ядов пишет: «Есть версия, что партократия не могла принять либерализма и свободомыслия социологов. Однако обстоятельства реорганизации института более сложны, чем эта схема. В обстановке социологической эйфории и энтузиазма многие интеллектуалы недвусмысленно декларировали приоритет «научной социологии» над философским словоблудием. В качестве альтернативы «философии» фигурировали структурно-функциональный анализ и математика. Хотя даже самые отчаянные социологи не были диссидентами, некоторые из них при желании не могли скрыть пренебрежительного превосходства над идеологами» [Ядов, 1998: 38].

вузах, поэтому приток новых кадров в науку был ограничен. Кроме того, изучаемый период можно охарактеризовать как расцвет семидесятников, заметно отличавшихся по стилю и научным интересам от предшественников: «Шестидесятники (при всем различии внутри этой когорты) были консолидированы энтузиазмом новаторства, верой в реформы, сциентистскими иллюзиями. Семидесятники оказались расколотым поколением: часть из них отказалась в советское время от карьерного продвижения, а другая часть стала аутентично сервильной» [Здравомыслова, 2003: 207]. Вот что пишет об этом периоде М. Соколов [Соколов, 2011: 66]: «В истории советской социологии отчётливо прослеживаются три цикла институционализации. Первый начинается с постепенной реабилитации понятия “социология” как родового (1950-е годы) и учреждения социологической ассоциации (1958 г.), включает создание множества заводских лабораторий и академического института (1970 г.) и завершается началом выпуска постоянного журнала (1974 г.). К концу данного цикла советские социологи стали вторым по численности национальным дисциплинарным сообществом в мире (...) Наступившую затем эпоху собственные историки советской социологии назовут “эпохой серости” [Shlapentokh: 1987]; кажется, что на протяжении следующих 10 лет распространение дисциплины действительно снизило темпы».

В 1972 г. ИКСИ возглавил М.Н. Руткевич, полностью перекроивший структуру института; последовали десятки увольнений ведущих сотрудников [Батыгин, 1999]. В.А. Ядов это время называет “периодом диаспоры” [Ядов, 1998: 38] – лучшие социологи были рассеяны по стране, работали в небольших коллективах или в одиночку по мере возможностей, некоторые эмигрировали. В начале 1980-х гг. отмечалось снижение количества социологических исследований, однако процесс институционализации науки не останавливался, несмотря на препятствия. Функционирование журнала “СОЦИС” называют одним из главных признаков того, что советская социология сохранилась в тот период. Несмотря на контроль и цензуру, А.Г. Харчеву (главному редактору с 1976 по 1986 г.) удавалось “сохранять относительный иммунитет от идеологического диктата и публиковать достаточно квалифицированные статьи” [там же: 242].

Теоретическая рамка и гипотезы исследования. Как пишет П. Бурдьё: “Инвестиции организуются в соответствии с предвосхищением – сознательным или неосознанным – средних шансов на извлечение прибыли (...). Так, стремление исследователей сосредоточиться на проблемах, которые представляются им самыми важными (...), объясняется тем, что вклад или открытие в этих вопросах могут в принципе принести более существенную символическую выгоду. Развернувшееся таким образом активное соперничество с большой долей вероятности может привести к снижению среднего уровня материальной и/или символической выгоды и, тем самым, к переключению части исследователей на другие, менее престижные объекты, вокруг которых соперничество не столь велико и которые, следовательно, способны принести, по крайней мере, столь же существенную выгоду” [Бурдьё, 1975: 94].

Зная из истории советской социологии об особенностях периода, в первых номерах журнала можно было ожидать преобладание публикаций академиков и высокопоставленных чиновников от науки, причем это будут люди с большой вероятностью мужчины, работающие в Москве, имеющие степень не ниже доктора наук (скорее философских). Исходя из концепции Бурдьё, мы предполагаем, что в начальный период институционализации, когда ставки высоки и возможность стать “отцом-основателем” новой науки велика, партийные функционеры, работники идеологического аппарата, представители номенклатуры будут готовы тратить время и силы на публикацию в новом журнале; когда же наука “устойтса”, количество таких людей заметно снизится в связи с окончанием периода “высоких ставок”, а число профессионалов, соответственно, вырастет². Не было ясно, откуда могли браться профессионалы-социологи в указанный период, поскольку обучение этой дисциплине не было начато ни в одном

² Эти соображения сформулированы в беседах с М.М. Соколовым и Б.М. Фирсовым.

Статусное положение авторов журнала – по годам (чел.)

Статус/год	1975	1976	1977	1978	1979	1980	1981	1982	Всего
Академики и член-корреспонденты	7	7	10	6	3	8	7	4	51
Доктора наук	18	24	27	30	30	22	23	22	197
Кандидаты наук	44	33	41	34	36	45	40	40	312
Аспиранты	7	6	5	5	5	5	5	10	46
Без степени	23	27	17	20	24	12	18	22	163
Всего авторов	99	97	100	94	97	92	94	99	

вузе СССР. В связи с этим особенно интересным представлялось наблюдение за переменной в соотношении ученых (из Академии наук СССР или вузов) и людей “извне” – заводских социологов, партийных функционеров, пытавшихся приспособить новую науку для нужд идеологической работы, просто любопытствующих.

Задачей исследования стала проверка гипотезы (и мнения многих социологов-шестидесятников) о том, что данный период в советской социологии можно характеризовать как затухание интереса, приход более слабых и менее мотивированных ученых в профессию. Другими словами, мы полагаем, что из социологии (или, по крайней мере, из авторов журнала) в этот период уходит элита [см.: Кнорре, Соколов, 2013], а приходят люди менее известные и реже цитируемые. Происходили географическая диффузия авторов, увеличение числа женщин, кандидатов наук, выходцев из других дисциплин (не из философии), людей, не занимающих руководящих постов, а также специалистов, аффилированных с АН СССР или с вузовской наукой.

Изменение соотношения авторов по отдельным характеристикам. Первое, на что сразу можно обратить внимание при взгляде на данные, это большое количество академиков и членов-корреспондентов АН СССР, публиковавшихся в журнале “СОЦИС” в первые годы после его создания. Нельзя сказать, что это явление было повсеместным. Например, в востоковедческом журнале “Народы Азии и Африки” в тот же период были опубликованы только 2 статьи академика Бромлея, остальные авторы не имели столь высокого статуса. В “СОЦИС”е за выбранный период в 2 раза чаще встречаются публикации министров, причем носящие научный, а не идеологический характер.

В конце периода мы видим 7–8 публикаций академиков за год. Следует отметить, что в некоторых случаях один и тот же автор (например, М.Н. Руткевич в период руководства ИКСИ) публиковал 2 статьи в год, но это, пожалуй, единственный пример. Большое число публикаций принадлежали докторам наук (табл. 1).

Больше всего публикаций, тем не менее, подготовлены кандидатами наук. Работ стажеров и аспирантов немного, что также говорит о высоком статусе журнала. Возникает вопрос, почему “молодая” наука завоевала столь большую популярность, что даже люди, которым не требовалось подтверждать и закреплять свой статус, считали нужным публиковаться в “СОЦИС”е. С одной стороны, как видно из характера публикаций, в журнале представлены не только собственно социологические работы (эмпирические, теоретические и методологические), но и много статей исключительно идеологического характера. Возможно, поскольку журнал пользовался большим авторитетом не только в научном сообществе, но и в среде интеллигенции, он воспринимался как трибуна для пропаганды коммунистической идеологии и “правильных” взглядов на социологические вопросы. С другой стороны, существовал общественный запрос на социологические знания, и не угас энтузиазм поколения шестидесятников, несмотря на трудности, с которыми они столкнулись. Редакция журнала смогла сохранить хорошие отношения со многими социологами, ушедшими из официальных институтов, но ставшими впоследствии “звездами” отечественной науки, продолжала публиковать их работы, особенно часто в рубрике “Методология

Аффилиация авторов журнала (чел.)

Место работы	Год								Всего	Всего в %
	1975	1976	1977	1978	1979	1980	1981	1982		
Академия	38	28	41	38	32	40	50	43	318	42,5
Вуз	19	11	18	27	26	29	25	24	181	24,2
Ни то, ни другое	17	21	13	20	14	17	15	33	152	20,3
И то, и другое	9	9	11	4	14	10	16	21	98	13,1
Всего за год	83	69	83	89	86	96	106	121	749	100

Таблица 3

Распределение авторов по специальностям, по которым была получена научная степень

Специальность	Год								Всего	Всего в %
	1975	1976	1977	1978	1979	1980	1981	1982		
Философия	41	29	54	46	50	51	53	48	381	66,3
Экономика	8	8	4	7	8	11	15	16	77	13,4
История	5	3	4	6	7	8	6	7	49	8,5
Юриспруденция	1	1	2	3	4	5	2	3	21	3,7
Психология	3	1	1	1	0	1	1	4	12	2,1
Химия, биология, медицина	0	0	0	0	2	3	2	2	9	1,6
Технические науки	3	3	0	2	0	0	1	1	10	1,7
География и геология	0	1	1	2	0	0	1	0	5	0,9
Социология	0	2	1	2	0	2	2	2	11	1,9
Всего по годам	61	48	67	69	71	81	83	83	575	100

и методы”, что позволяло держать высокую планку и делать журнал все более профессиональным.

Менялся ли состав авторов журнала по их аффилиации между академической и университетской (вузовской) наукой в изучаемый период? В табл. 2 видно, что к концу 1982 г. наблюдается относительно небольшое снижение доли авторов из АН СССР, хотя академия остается основным источником публикаций журнала. Еще одна тенденция – рост числа представителей вузовской науки. Заметен рост доли социологов, не принадлежащих ни к вузовской, ни к академической науке. Этот тренд может фиксировать либо тенденцию к независимой работе бывших научных сотрудников, либо рост производственной и региональной социологии (табл. 2).

Какие специальности были изначально у тех ученых, которые в конце 1960–начале 1970-х гг. занялись социологией? В таблице 3 показана динамика распределения по специальностям докторов и кандидатов наук (табл. 3).

Как видим, среди авторов “СОЦИС” преобладают доктора и кандидаты философских наук, что неудивительно, поскольку социологические диссертации квалифицировались АН как философские сочинения до 1988 г. Любопытно, что среди докторов наук (и кандидатов) мало историков. Вместе с тем, заметен рост публикаций специалистов по экономическим наукам, что, по-видимому, свидетельствует об ориентации социологических исследований на количественные методы.

Кроме того, представители негуманитарных отраслей публиковали свои работы: социология в тот момент не была еще наукой только для специалистов – это было

движение, интересное людям самых разных профессий, которые считали возможным и важным внести вклад в новое направление. Это очень интересный феномен, потому что в XX в. наука стала делом профессионалов и узких специалистов. Однако ситуация, которую мы наблюдаем в ранней советской социологии, напоминает развитие науки в XIX в. и раньше, когда ученые могли работать одновременно в нескольких дисциплинах и с легкостью переходили из одной сферы в другую.

Что касается соотношения авторов, пишущих самостоятельно и в соавторстве, мы предполагали, что с течением времени число статей в соавторстве будет увеличиваться, но статистически значимой разницы по годам не было обнаружено. Несмотря на это, абсолютное число статей, написанных двумя или более авторами, значительно выросло за счет увеличения общего числа публикаций (с 18 в 1975 до 32 в 1982 г.).

Однако сфокусируемся на аспекте статусных изменений на протяжении изучаемого периода. Статус автора может определяться через ряд характеристик, начиная от пола, заканчивая географической локацией. В академической или университетской среде также важны позиция в вузе или в академии, и, конечно, ученая степень.

Методы. Данные для исследования состава авторов содержались в каждом номере журнала «СОЦИС». В базу данных включены 32 номера.

Метод латентных классов (МЛК), который мы используем, – частный случай метода моделирования структурными уравнениями [Kaplan, 2004]. Он основан на выявлении вероятности принадлежности к скрытому классу методом максимального правдоподобия. МЛК идентифицирует ненаблюдаемые подгруппы в выборке³. Для данного анализа был использован пакет статистического моделирования MPlus [Muthen and Muthen, 2006]. МЛК – статистический метод уменьшения размерности данных, который позволяет упорядочить совокупность характеристик респондентов, измеренных по нескольким номинальным или порядковым переменным с помощью нескольких классов, число которых определяется подбором математически лучшей модели. Каждая категория включает наиболее похожих друг на друга по характеристикам респондентов. Важное отличие этого подхода от традиционных видов анализа (факторного и кластерного), в том, что МЛК позволяет не только группировать наблюдаемые переменные, но и уйти от двумерных распределений и проанализировать динамику развития групп, выявленных по определенным признакам.

Всех авторов можно разделить на 4 класса, каждый из которых определяется рядом характеристик. Не все переменные, включенные в анализ, были эксплицированы в результатах, однако все они использовались для классификации [Muthen, 2001]. Поскольку данный анализ имеет вероятностный характер, в каждой группе могут встречаться единичные представители других классов. Полную расшифровку характеристик классов см. табл. 4.

1 класс (22,5%) – Люди, не имеющие ни научной степени, ни связи с Академией наук или вузами, в основном мужчины, 67% из Москвы, около 15% из союзных республик, 10% из Сибири, Центральной России и Урала.

2 класс – Выходцы из Москвы (63%) и Ленинграда (16% всей группы), доценты или заведующие секторами, кандидаты наук, на 80% мужчины. Вначале этот класс был не самым многочисленным, но только он демонстрировал стабильный рост в течение изучаемого периода.

3 класс (самый небольшой по общей численности – 16,3%) – “женская” группа, в ней преобладают младшие научные сотрудники или неостепененные преподаватели вузов.

4 класс (27,1%) – ректоры, профессора или заведующие отделами институтов Академии наук, доктора наук или академики, несколько министров; почти все мужчи-

³ Для анализа динамики корректнее было бы использовать метод латентного перехода (latent transition analysis), – продолжение метода латентных классов (latent class analysis), однако недостаточное количество временных точек (8) и слишком большое число переменных, включенных в модели, не позволяют использовать LTA.

Основные характеристики авторов (в % по столбцу)

Характеристики/кластеры	1 (22.5%) “Вне науки”	2 (34%) “Доценты”	3 (16.3%) “М.н.с.”	4 (27.1%) “Академики и профессора”
Пол				
Мужской	86,7%	80,1%	57,3%	95,3%
Женский	13,3%	19,9%	42,7%	4,7%
Место проживания (ранжировано по расстоянию до Москвы)				
1 – Москва	67,1	63,2	57,7	78,50
2 – Ленинград	5,6	16,0	12,3	2,3
3 – Украина и Белоруссия	10,5	7,6	11,7	1,6
4 – Центральные регионы России	6,5	2,8	4,0	0
5 – Прибалтика и страны Варшавского договора	3,7	0,9	4,2	8,1
6 – Урал и Кавказ	1	1,7	0,4	0
7 – Сибирь	5,5	6,9	8,3	7,9
8 – Дальний Восток, Средняя Азия	0	0,9	1,4	1,5
Статус в науке				
1 – руководитель, председатель, ректор, академик	0	1,8	1,5	7,8
2 – зав. отделом /профессор	0	24,8	0	46,5
3 – зав. сектором / доцент	0	67,3	20,9	42,2
4 – младшие научные кадры (аспиранты, преподаватели)	0	6,1	75,8	3,5

ны из Москвы. Вероятность того, что автор принадлежал к этой группе в первые годы после создания журнала, была самой высокой, но неуклонно снижалась.

Анализ латентных классов позволяет говорить о значимости структурных изменений в социологической науке. Мы видим, что четвертый (элитарный) класс “московских академиков”, хотя и составляет 27,1% по выборке, демонстрирует тенденцию к снижению. Тот же тренд наблюдается и для третьего класса “девушек, м.н.с.". Если первая тенденция ожидалась и была предсказана, исходя из качественных описаний данного периода и интервью с социологами того времени (см., напр., [Докторов, 2011]), то вторая свидетельствует о параллельных процессах, на которые в мемуарах социологов-шестидесятников обращается мало внимания. Одновременно с этим понижается, хотя значительно менее резко, на грани значимости, число не связанных с официальной наукой (класс 1). Однако в этом классе могут присутствовать не только “любопытствующие”, решившие писать о своих наблюдениях в раздел “Факты, комментарии, заметки”, но и профессиональные социологи, несогласные с позицией академических институтов. О профессионализации говорит и тренд для второго, самого специализированного и нацеленного на производство научных знаний класса. Этот класс “московско-ленинградских доцентов” – единственный растущий во всей выборке. Вероятность того, что случайно выбранный автор будет принадлежать именно к нему, выросла за 8 лет с 20 до 45%.

Таким образом, число номенклатурных идеологов и дилетантов среди авторов журнала “СОЦИС” в это время значительно снижается, количество “скучных” профессионалов растёт.

Результаты и выводы. Результаты анализа показывают, что дискурс многих авторов-шестидесятников об “эпохе серости” в истории советской социологии – не столько констатация реальных фактов, связанных с тяжелыми обстоятельствами профессиональной жизни наиболее ярких представителей этого поколения в этот период, но и в определенной мере оценочное суждение. Среди авторов, публиковавшихся в журнале в первые 8 лет его существования, около 27% были представителями

идеологического истеблишмента (московские мужчины с высоким статусом и степенью), однако число их публикаций все время падало. Еще 2 группы: младшие научные сотрудники (половина из которых – девушки) и люди, институционально не связанные с наукой и образованием, из регионов (классы 3 и 1 соответственно), – представляли от 15% до четверти общей доли публикаций, но их число также снижалось.

Таким образом, в исследуемый период среднестатистическим автором “СОЦИС”а становится типичный представитель второго класса: кандидат наук (доцент или заведующий сектором) из Москвы или Ленинграда, скорее мужчина (80%). Это замещение, по нашему мнению, свидетельствует об успешно продолжавшемся процессе институционализации социологии как самостоятельной дисциплины и ее профессионализации. В.А. Ядов пишет: “В научном этосе нового поколения [семидесятиников] стали доминировать политическая атараксия и сосредоточенность на внутридисциплинарных проблемах. При этом социология меньше ассоциировалась с передовой теорией, а больше – с проведением массовых опросов” [Ядов, 1998: 33]. Б.М. Фирсов, описавший отношения власти и науки в указанный период, обращает внимание на то, что социология в СССР создавалась по указу сверху. Политический заказ определил во многом подчиненное, несамостоятельное место социологии в советской науке. «Официоз настаивал на том, что под социологией следовало понимать родовое название всей системы доктринальных общественных наук (исторический материализм, политическая экономия и научный коммунизм), и очень неохотно сдавал свои позиции. Как следствие, в вузах страны вплоть до окончания “войны” не было ни одного социологического факультета, а введенные в начале 1980-х гг. специализации (МГУ и ЛГУ) именовались прикладной социологией, лишенной права любой научной дисциплины на разработку теории» [Фирсов, 2011: 237].

Это положение объясняет, почему в первые годы существования журнала исключительно специалисты по истмату (статус которых был очень высок) печатались в разделах, посвященных теории. Собственно социологического в этих публикациях не было практически ничего, однако этот блок способствовал легитимации дисциплины, долгое время находившейся в опале. Таким образом, представляется, что сотрудничество журнала и идеологов-номенклатурщиков на первом этапе было взаимовыгодным, – “СОЦИС” получал оправдание своей деятельности от самых авторитетных марксистов-ленинистов, те же, в свою очередь, доказывали свою влияние и претендовали на высокие дивиденды в символическом плане.

Судя по картине, которая складывается из полученных данных, через несколько лет после основания журнала вопрос легитимации утратил прежнюю остроту, социология доказала право на существование и стала развиваться по внутренним законам. Число случайных людей и идеологов пошло на спад, на их место пришли “скучные” доценты, видевшие в социологии профессию, а не призвание.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Батыгин Г.С.* Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. Г.С. Батыгин. СПб.: Русский Христианский гуманитарный институт, 1999.
- Бурдьё П.* Поле науки (первая публикация: *Sociologie et Sociétés*. 7(1). 1975: 91–118, русская версия доступна на <http://bourdieu.name/content/burde-pole-nauki>
- Губа К., Семенов А.* В центре внимания или в центрах внимания? Анализ системы авторитетов локального академического сообщества // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. № 3.
- Докторов Б.З.* Биографические интервью с коллегами – социологами. М., 2011 [электронный ресурс].
- Здравомыслова Е.А.* О книге Б.М. Фирсова “История советской социологии 1950-х – 1980-х годов” // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Том VI. № 3.
- Кнорре А., Соколов М.* Звезды и боссы: происхождение и композиция советской социологической элиты. Препринт. Томск, 2013.
- Погорелов Ф., Соколов М.* Академические рынки, сегменты профессии и интеллектуальные поколения: Фрагментация петербургской социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. № 2.

- Сафонова М. Сетевая история петербургской социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. № 3.
- Соколов М. Российские социологи на международном и национальном рынке идей // Социологические исследования. 2009. № 1.
- Соколов М. Рынки труда, стратификация и карьеры в советской социологии // Экономическая социология. 2011. Т. 12. № 4. С. 37–72.
- Соколов М., Бочаров Т., Губа К., Сафонова М. Проект “Институциональная динамика, экономическая адаптация и точки интеллектуального роста в локальном академическом сообществе: Петербургская социология после 1985 года” // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. № 3.
- Соколов М. Там и здесь: могут ли институциональные факторы объяснить состояние теоретической социологии в России? // Социологический журнал. 2010. № 1.
- Фирсов Б.М. Две жизни одной науки: традиции и роли социологии в России и СССР // Антропологический форум. 2011. № 15. С. 221–240.
- Фирсов Б.М. История советской социологии 1950–1980-х годов. Курс лекций. СПб.: Издательство Европейского университета в С.-Петербурге, 2001.
- Ядов В.А. (ред.) Социология в России. М.: Издательство Института социологии РАН, 1998.
- Fox M. 1983. Publication Productivity among Scientists: A Critical Review // Social Studies of Science 13 (2): 285–305.
- Kaplan D. (ed.) The SAGE Handbook of Quantitative Methodology for the Social Sciences. London: Sage. 2004.
- Muthen B. Latent variable mixture modeling // New developments and techniques in structural equation modeling. 2001: 1–33.
- Muthen L.K., Muthen B.O. MPlus 4.1 Manual // Los Angeles: Muthen & Muthen. 2006.
- Oromaner M. 2008. Intellectual Integration and Articles in Core Sociology Journals, 1960–2000 // American Sociologist 39(4): 279–289.
- Shlapentokh V. The Politics of the Sociology in the Soviet Union. London: Westview Press. 1987.

© 2014 г.

Е.Ю. ЛИСИЦКАЯ

ОПЫТ СРАВНЕНИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ТЕОРЕТИЗИРОВАНИЯ В РОССИЙСКИХ И ЗАРУБЕЖНЫХ НАУЧНЫХ ЖУРНАЛАХ

ЛИСИЦКАЯ Евгения Юрьевна – менеджер ООО “Миттель-МГУ”, аспирантка Московского государственного лингвистического университета (E-mail: ApreJ1@ya.ru).

Аннотация. Представлены результаты сравнения частоты использования специальных социологических теорий методом контент-анализа журналов “Социологические исследования”, “American Journal of Sociology” и “American Sociological Review” за 1990–2010 гг. На первом этапе были выявлены используемые авторами статей специальные теории. Индикатор – частота появления статей с применением той или иной теории. На втором этапе анализировались наиболее часто встречавшиеся специальные социологические теории на предмет наличия/отсутствия выраженных парадигмальных основ¹.

Ключевые слова: специальные отрасли социологии • научная периодика • контент-анализ • парадигма • теории среднего уровня • парадигмальные рамки

Очевидным и тонким показателем состояния науки об обществе может быть научная периодика, в частности, использование в ней специальных социологических теорий.

¹ Исследование выполнено под руководством проф. МГЛУ, д.с.н. Е.И. Кравченко.